Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 25** / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “rkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Дионисийские мотивы в изобразительном искусстве средневековых городов Южного Казахстана

К. Ю. Маркова¹

Аннотация. В статье представлены фрагменты глиняного декора, культовой керамики и терракоты с изображением элементов дионисийского культа, обнаруженные при раскопках средневековых городов Южного Казахстана. Целью работы является попытка доказать наличие античных традиций в городской жизни Южного Казахстана в раннем средневековье, в частности, дионисийских мотивов, принесенных сюда согдийцами и тохаристанцами. В работе приводится широкий круг аналогий с территории Хорезма, Бактрии, Согда, а также высказывается предположение о возможном слиянии культа Диониса с местным божеством земледелия и виноградарства.

Annotation. This paper considers the fragments of decorative and religious ceramics and terracottas with representations of elements of the Dionysian cult unearthed during excavations of mediaeval towns of Southern Kazakhstan. The purpose of this study is an attempt to prove the existence of Classic traditions in the urban life of Southern Kazakhstan in the early Middle Ages. These traditions included, in particular, Dionysian motifs brought here by Sogdians and Tokharistanians. The article presents a wide circle of analogues from the areas of Khorezm, Bactria and Sogd. Also the possibility of merging of the cult of Dionysus with that of the local deity of agriculture and wine-growing is considered.

Ключевые слова: эллинистические мотивы, изобразительное искусство, античные традиции, средневековые города, Семиречье, Южный Казахстан, культ Диониса.

Keywords: Hellenistic motifs, visual arts, Classic traditions, mediaeval towns, Semirechye (Zhetysu), Southern Kazakhstan, cult of Dionysus.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-129-136

Произведения искусства и архитектуры, имеющие следы античной традиции, общеизвестны на территории различных областей Средней Азии. Античное влияние не обошло стороной и территорию Южного Казахстана.

В. Д. Горячева указывала на то, что «оседлоземледельческая и урбанистическая культура юго-западного Семиречья и Южного

Казахстана формировалась на материальной и этнической базе сакоусуньских и тюркских племен под влиянием переселявшихся сюда в раннем средневековье согдийцев, тохаров, чачцев. При общем согдийском облике культуры городов Семиречья отличалась от культуры Согда топографией поселений, изделиями гончаров и металлургов, храмовыми комплексами и погребальными обрядами. Однако распространение в VII–IX вв. согдийской письменности, языка и идеологии свидетельствует о длительном влиянии культуры Согда и Тохаристана на северо-востоке Средней Азии» (Горячева, 1986. С. 30–31).

¹ Кафедра истории, философии и культурологии, Кемеровский государственный университет. Б-р строителей, д. 47, кор. 7, г. Кемерово, 650056, Россия. E-mail: korobkova9@mail.ru.

С культурой согдийцев и тохаристанцев античные традиции пришли в Южный Казахстан и Семиречье. Элементы этой культуры проникали сюда не только благодаря миграции вышеупомянутых народов, но и торговым связям региона с соседними Хорезмом, Согдом, Бактрией.

В ходе раскопок средневековых городов на юге Казахстана часто встречаются артефакты, относимые казахстанскими исследователями к отголоскам античной культуры. К ним относится ручка сосуда X–XI вв. из Куйрыктобе (средневековый г. Кедер) (рис. 1, 1). По мнению К. М. Байпакова и Г. А. Терновой, на ручке изображен силен — демон плодородия из свиты древнегреческого бога виноделия Диониса (Байпаков, Терновая, 1998. С. 167), а сам сосуд использовался в празднествах дионисийского вакхического культа (Байпаков, 1990. С. 171). Демоны — сатиры и силены — изображались с рогами и лошадиными ушами, лошадиными и козлиными копытами, лошадиными хвостами. Во время игрищ, связанных с аграрной магией, общины поклонников Диониса рядились в козлиные шкуры, представлялись козловидными сатирами — демоническими спутниками бога. В праздничной обрядности наряженный козлом участник выступал в роли самого божества, посвященной ему жертвы или спутника (Даркевич, 1976. С. 113). В том же доме, на городище Куйрыктобе, где был найден сосуд с ручкой в виде силены, находилась ритуальная керамическая маска с прорезями и тремя выступающими шишечками, датируемая так же, как и ручка сосуда, X–XI вв. (рис. 1, 3). Исследователи относят ее к предметам, использовавшимся в мистериях в честь Диониса (Байпаков, 1999. С. 41). Магическое действие надевания маски соответствует смерти актера и появлению его в новом образе, а снятие — воскрешению (Даркевич, 1976. С. 114). Такие находки предметов с изображением демонического существа на городище Куйрыктобе свидетельствуют о том, что в среде жителей города Кедер (городище Куйрыктобе) был популярен культ Диониса. Дионис — божество земледельческого круга, связанное со стихийными силами земли (Лосев, 1957. С. 143–182).

Дионисийский вакхический культ, продолжая древние традиции земледельцев, отражал идею круговорота природы, воплощением которой служил мотив умирающего и воскресающего божества (сюжет смерти и воскрешения божества). Аналогии мы находим в Хорезме, где в 1950 г. на городище Топрак-кола С. П. Толстовым при раскопках памятника, известного теперь как дворец царей Хорезма III в., был открыт «Зал танцующих масок». Обнаруженные в зале барельефы на стенах и найденная глиняная скульптура изображали бородатого мужчину с ушами животного, и поэтому исследователи предположили, что зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера (Толстов, 1958; Пугаченкова, Ремпель, 1965; Массон, 1966; Ставиский, 1974; Фёдоров-Давыдов, 1975). Лишь Ю. А. Рапопорт доказывал, что в священном дворце Топрак-калы могли отмечаться и «сакские праздники» с участием царя Хорезма и его супруги, уподоблявшейся, как парфянские и сасанидские царицы, Анахите (Рапопорт, 1978. С. 275–283). На ряде памятников Согда и Восточного Туркестана изображены музыканты, танцоры, ряженные в маски и без масок (Маршак, Распопова, 1991. С. 167).

Неотъемлемым атрибутом в изображениях, связанных с Дионисом или культами, посвященными этому богу виноградарства и виноделия, является виноградная лоза. Изображение Диониса в виде традиционной античной фигуры мужчины с виноградными гроздьями в руке имело широкое распространение у народов Востока и было непосредственно связано с земледельческим циклом работ (начало и окончание пахоты), сопровождавшимся обычно целым комплексом особых ритуалов, лицедейств и дионисийских оргий. Изображением персонажа дионисийского круга была признана терракотовая фигурка обнаженного спереди мужского божества, обнаруженная на поверхности древнего виноградника в Хорезме вместе с остатками хумов кушанского времени. Спина мужчины была прикрыта плащом, концы которого видны на плечах. В левой руке — прижатая

Fig. 1. Артефакты с дионисийскими мотивами из Южного Казахстана: 1 — ручка антропоморфного сосуда с изображением демонического существа; 2 — фрагмент крышки с рельефным орнаментом; 3 — ритуальная маска с тремя рогами; 4–6, 7–9 — фрагменты резных композиций с изображением листьев и гроздьев винограда. 1, 2 — терракота; 3 — керамика; 4–9 — глина

Fig. 1. Artefacts with Dionysian motifs from Southern Kazakhstan: 1 — handle of an anthropomorphic vessel with representation of a demoniacal creature; 2 — fragment of a lid with a relief pattern; 3 — ritual mask with three horns; 4–6, 7–9 — fragments of carved compositions with representations of vine leaves and bunches of grapes. 1, 2 — terracotta; 3 — ceramics; 4–9 — unfired clay

к бедру кисть винограда, в правой — неопределенный предмет, похожий на птицу. Фигурка принадлежала к группе однотипных изображений мужчин с прижатыми к бедрам симметрично расположенными руками и сомкнутыми ногами (Воробьева, 1978. С. 235–236).

Появление образа Диониса в искусстве Хорезма связывается с широким распространением в эллинистический и римский периоды культа этого популярного в народной среде бога-спасителя, близкого к природе бога угнетенных, во многих областях, в том числе и входивших в состав кушанского государства. Длительность существования дионисийского культа в Хорезме подтверждается находками фигурок того же типа не ранее конца III в. (Воробьева, 1978. С. 237). О распространении культа Диониса в Бактрии свидетельствуют находки из Дильберджина (античный город, существовавший на территории Бактрии с III–II вв. до н. э. по IV или начало V в. н. э.). Здесь также были найдены терракотовые фигурки юношей, держащих в руках гроздь винограда, но, в отличие от хорезмийского Диониса, виноград они держали в правой руке, а птицу — на левой согнутой. На правом запястье у каждого из юношей браслет, за спиной, по-видимому, плащ, поскольку на плечах сохранились застежки в виде лепешек и скрепляющий их жгут (Кругликова, 1978. С. 272). И. Т. Кругликова полагала, что образ этого божества, тесно связанного с растительным миром, мог идентифицироваться в представлении бактрийцев с одним из местных земледельческих божеств (Кругликова, 1978. С. 272).

О вхождении античных божеств в круг кушанского пантеона Северной Бактрии, об устойчивости античной иконографии говорят изображения эротов на бронзовых инкрустационных вставках-пластинах, найденных археологами в 1976–1977 гг. на Каменном городище в общественном здании небольшой кушанской крепости (Пичикян и др., 1977. С. 571). Два из четырех эротов изображены

в виде младенцев, бегущих на зрителя с протянутыми вперед руками, держащими большую виноградную гроздь. Анатомически верная передача фигурок, мастерски и одновременно лаконично переданные движение и объем подтверждают следование эллинистическим традициям и представлениям о реалистическом изображении. Эроты (греческие боги любви) с виноградной гроздью — символ дионисийского культа. По мнению исследователей публикуемые эроты, принадлежавшие к самым ранним в Северной Бактрии, «служили элементами сложной дионисийской композиции, растянутой по горизонтали, украшавшей изделие из слоновой кости, каковыми могли быть ларец, крупная шкатулка или парадное ложе» (Литвинский, Пичикян, 1979. С. 90). Эрот тесно связан с Дионисом, к IV в. до н. э. относится включение его в вакхический круг. Он изображался на вазах как спутник и слуга Диониса, часто — играющим с вакхическими масками (Там же, 1979. С. 97).

Среди головок статуэток эллинистического типа из Самаркандского музея выделяют персонажей круга Диониса (Мешкерис, 1962. С. 19).

Опираясь на сообщения Аристотеля, исследователи полагают, что греческая комедия и трагедия появились в результате импровизации при исполнении хором песнопений в честь Диониса. Само слово «трагедия» происходит из двух греческих слов: «трагос» — «козел» и «одэ» — «песнь» и означает в прямом смысле «песнь козлов» (Головня, 1955. С. 27–28). «Дионис представлялся первоначально примитивным божеством плодородия в образе козла. Культ этого божества, сопровождавшийся пиршествами и оргиями, во время которых все без исключения — от царей до рабов — полностью освобождались от всяких запретов, был всеохватывающим, вездесущим» (Шортанов, 1978. С. 133). Историческими двойниками Диониса можно назвать Ажагафэ — символ плодородия, умирающего и воскрешения природы у адыго-кабардино-черкесов; Нар — божество виноградной

лозы у абхазов. В этнографической традиции абхазов Нар отождествлялся с фигурой Диониса (*Аджинджал*, 1978. С. 125–127). Этому способствовали интенсивные связи местного населения с жителями греческих городов Диоскурия, Гюэнос, Питиунт, расположенных в прибрежной зоне Абхазии с середины I тыс. до н. э. Подтверждением служат памятники искусства с изображениями персонажей круга Диониса. Большой интерес представляет фигура обнаженного мужчины с гроздьем винограда в правой руке, олицетворявшая древнегреческое божество виноградарства и виноделия Диониса, вытканная на абхазском ковре XIX в. (*Там же*. С. 125–127). Мужчина являлся центральным изображением. Справа от него была женщина с блюдом, наполненным плодами, а слева — женская фигура, ведущая за веревку козу/козла к жертвенному костру. Исследователь Е. К. Аджинджал считает, что сцена, вытканная на ковре, уходит своими корнями в глубокую древность и носит явно античный характер, изображая жертвоприношение во время дионисий (*Там же*. С. 125–127).

Необходимо остановиться также на интересной находке из Южного Казахстана. Это фрагмент терракотовой крышки IX–X вв., обнаруженный при раскопках Тараза (рис. 1, 2). Фрагмент имеет округлую форму с рельефным орнаментом. Центральное место в композиции на сохранившейся части крышки занимает лепная фигура человека, ведущего козла. Над фигурой человека изображена виноградная лоза с висящими на ней гроздьями винограда. Ягоды, составляющие грозди, обозначены кружками, выполненными с помощью лепки. Листья виноградной лозы не переданы. Вся композиция заключена в рамку, повторяющую контур крышки. Рамка состоит из трех орнаментальных рядов. Первый ряд, более широкий (8 см), чем остальные, состоит из прочерченных косых линий, второй ряд (2 см) представляет собой две наклепные линии, между которыми изображены круги, выполненные вдавливанием. Третий ряд состоит

из прочерченных кружков-перлов. Фигура персонажа, ведущего козла, изображена с разведенными в стороны стопами. Туловище человека украшено круглыми вдавливаниями, а шерсть животного передана вертикальными насечками. Возможно предположить, что данная сцена связана с дионисийскими жертвоприношениями. В пользу такой трактовки свидетельствует наличие культа Диониса в Южном Казахстане или культа слившегося с ним близкого по функциям местного божества. Эллинистические культы, приносимые в Южный Казахстан с выходцами из Согды и Тохаристана, со временем переосмысливались и приспосабливались к идеологии и религиозным представлениям живших здесь тюрков.

Виноградная лоза, листья и гроздь винограда являлись довольно распространенным мотивом орнамента в архитектурном декоре памятников средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана. Резными листьями и гроздьями винограда были украшены глиняные ниши в культовых помещениях дворца VIII–IX вв. на территории городища Костобе (рис. 1, 4–9) (средневековый город Джамукат) (*Байпаков, Терновская*, 2002. С. 25; 2004. С. 123). Мотив виноградной лозы на фрагментах штука имеет спирально закрученные побеги, к которым прикреплена виноградная гроздь, а затем лист. Ягоды, составляющие гроздь винограда, так же, как и на терракотовом блюде из Тараза, описанном нами выше, обозначены кружками, в данном случае выполненными с помощью лепки; реалистично переданы листья винограда. Архитектурные наклепы, рельефно украшенные богатым растительным декором, в том числе и изображениями виноградной кисти с листьями, были обнаружены А. Н. Бернштамом при раскопках цитадели на Таразском городище (*Бернштам*, 1941. С. 34).

Изображение виноградной лозы, листьев и плодов винограда в украшении интерьера и домашней утвари в городах Южного Казахстана в эпоху средневековья, появление мотива Диониса обусловлены, как это было и в Хорезме, усилением роли земледелия

(Воробьева, 1978), в частности, увеличением значения виноградарства и виноделия. Подтверждением этого являются открытые в Семиречье и Южном Казахстане мастерские по производству вина и виноградного сока. Вблизи развалин средневекового Кулана археологи в те же годы, когда был раскопан замок Луговое Г, раскопали сельскую усадьбу, в одном из помещений которой была найдена мастерская по переработке винограда, точнее комната, приспособленная под давящую. Усадьба и мастерская существовали еще в VII–VIII вв. (Байпаков, 2005. С. 125). Виноградарство, виноделие, производство сладостей из винограда продолжались и в более позднее время. При раскопках городища Актобе Степнинское, расположенного в среднем течении р. Чу, была исследована винодельня с комплексом для выжимки виноградного сока. В мастерской была обнаружена поливная керамика с росписью в виде желтых и зеленых пятен, позволившая датировать винодельню X–XII вв. Неподалеку обнаружена

еще одна аналогично устроенная винодельня (Байпаков и др., 2011. С. 375–376). Винодельни открыты также на Краснореченском городище и Торткуле (Байпаков и др., 2005. С. 126).

Таким образом, археологические материалы из раскопок памятников Южного Казахстана позволяют предполагать, что изображения мужской фигуры с рогами и ушами животного или без них, но в окружении виноградной лозы и ведущей за собой козла, являются наследием «пришедшего» сюда культа Диониса, возможно, воплотившегося в местного, близкого ему по функциям, бога.

Археологические раскопки ежегодно открывают новые памятники искусства, передающие сложные и разнообразные процессы взаимодействия античных и местных традиций в изобразительном искусстве Средней Азии.

Несомненность античного влияния на мировоззрение средневековых горожан Семиречья и Южного Казахстана очевидна, но взаимовлияние и синтез античной и местной культур здесь только начинает изучаться.

Аджинджал, 1978 — Аджинджал Е. К. Изображение «Диониса» на абхазском паласе XIX в. // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 125–129.

Байпаков, 1990 — Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука, 1990. 208 с.

Байпаков, 1999 — Байпаков К. М. Отчет об археологических работах на городище Отрар и Куйруктобе в 1999 году // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2528.

Байпаков, 2005 — Байпаков К. М. Древние города Казахстана. Алматы: Аруна, 2005. 316 с.

Байпаков, Терновская, 1998 — Байпаков К. М., Терновская Г. А. Центральный зал дворца городища Куйрук-тобе в Отрарском оазисе // Приаралье в древности и средневековье:

К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Отв. ред. Е. Е. Неразик. М.: Восточная литература, 1998. С. 156–166.

Байпаков, Терновская, 2002 — Байпаков К. М., Терновская Г. А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия Министерства науки и образования Республики Казахстан, НАН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. № 1. Алматы: Аруна, 2002. С. 219–244.

Байпаков, Терновская, 2004 — Байпаков К. М., Терновская Г. А. Резная глина Жетысу. Алматы: Credo, 2004. 163 с.

Байпаков и др., 2005 — Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005. 236 с.: ил. 201.

Байпаков и др., 2011 — Байпаков К. М., Канекова Г. А., Воякин Д. А., Марьяшев А. Н.

- Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз: ТОО «Археологическая экспертиза», 2011. 620 с.; ил.
- Берништам*, 1941 — *Берништам А. Н.* Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата: Казахское объединенное гос. изд-во, 1941. 66 с.
- Воробьева*, 1978 — *Воробьева М. Г.* Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла Древнего Хорезма (по материалам коропластики) // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 234–242.
- Головня*, 1955 — *Головня В. В.* Аристофан. М.: Изд-во: АН СССР, 1955. 184 с.: ил.
- Горячева*, 1986 — *Горячева В. Д.* Этнокультурные связи Семиречья с Согдом и Тохаристаном в раннее средневековье (по материалам Краснореченского городища) // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.): Тез. докл. советско-французского colloquium (Самарканд, 25–30 августа 1986 г.) / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986. С. 30–31.
- Даркевич*, 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.: ил.
- Кругликова*, 1978 — *Кругликова И. Т.* Новые античные памятники Южной Бактрии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 269–274.
- Литвинский, Пичикян*, 1979 — *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Кушанские эроты (один из аспектов античного влияния на центральноазиатскую культуру) // ВДИ. 1979. № 2. С. 88–109.
- Лосев*, 1957 — *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 617 с.
- Маршак, Распопова*, 1991 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока: Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1991. С. 151–173.
- Массон*, 1966 — *Массон В. М.* Страна тысячи городов. М.: Наука, 1966. 148 с.: ил.
- Мешкерис*, 1962 — *Мешкерис В. А.* Терракоты Самаркандского музея: Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожженной глины, хранящихся в Респ. Музее истории культуры и искусства УзССР в г. Самарканде. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 109 с., 15 л. ил.: ил.
- Пичикян и др.*, 1977 — *Пичикян И. Р., Войтов В. И., Дубровин А. Ф., Арабов С. Ф., Колпаков А. А.* Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 571.
- Пугаченкова, Ремпель*, 1965 — *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусства Узбекистана. М.: Искусство, 1965. 688 с.
- Рапопорт*, 1978 — *Рапопорт Ю. А.* К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 275–284.
- Ставиский*, 1974 — *Ставиский Б. Я.* Искусство Средней Азии. М.: Искусство, 1974. 256 с.: ил.
- Толстов*, 1958 — *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 годах // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 7–258.
- Фёдоров-Давыдов*, 1975 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* На окраинах античного мира. М.: Наука, 1975. 104 с.
- Шортанов*, 1978 — *Шортанов А. Т.* Культ Диониса и Ажагафэ // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Пичикян. М.: Наука, 1978. С. 130–134.

Dionysian motifs in the visual arts of mediaeval towns of Southern Kazakhstan

K. Yu. Markova

During the early Middle Ages in Southern Kazakhstan, as well as throughout the most of the territory of South-Western Semirechye, the emergence and flowering of the urban life took place. The establishing of towns was promoted by the Sogdians moving to this region in the 5th and 8th centuries and Turks who politically dominated here and controlled the trade along the Great Silk Route. Together with the culture of the Sogdians and Tokharistanians, Classic traditions came to Southern Kazakhstan and Semirechye. Traces of these traditions are found in cult ceramics and architectural decorations. Excavations of mediaeval towns in the south of Kazakhstan have yielded materials which are attributed by Kazakhstan researchers to the Dionysian motifs introduced here from Sogd and Tokharistan. These materials include the finds from the townsite of Kuyryktobe (the mediaeval city of Keder) found in a single house: handle of a vessel of the 10th–11th century (Fig. 1, 1) with a representation of the Silenus — a deity of fertility, one of the suite of the ancient Greek god of wine-making Dionysus (*Байнаков, Терновоя*, 1998. P. 167) and a ritual ceramic mask with slots and three bulging knobs dated similarly as the handle to the 10th–11th century (Fig. 1, 3) (*Байнаков*, 1999. P. 41). The present author expanded the circle of these materials. In her opinion, a fragment of a terracotta lid of the 9th–10th century from Taraz (Fig. 1, 2) is concerned with Dionysian sacrificial offerings. Indeed, it bears a relief representation of the figure of a human driving a goat (it is known that Dionysus initially was conceived as a primitive deity of fertility in the image of a goat). Over the human figure, a vine branch with bunches of grapes hanging from it is represented. The grapes are rendered as modelled circles. Vine, leaves and grapes accompanying Dionysus were a fairly widespread ornamental motif in the architecture of monuments of mediaeval towns of Semirechye and Southern Kazakhstan. Fragments of carved clay with representations of vine leaves and grapes were found during excavation of a niche in a cult room of a palace of the 8th–9th century at the townsite of Kostobe (Fig. 1, 4–9) (mediaeval town of Dzhamukat) (*Байнаков, Терновоя*, 2002. P. 25; 2004. P. 123). Architectural applications with a representation of a grape with leaves were uncovered by A. N. Bernshtam during excavation of the citadel at the Taraz townsite (*Бернштам*, 1941. P. 34). Representations of grapes and other elements of the Dionysian cult decorating interiors and domestic utensils of city dwellers in Southern Kazakhstan possibly were related with the strengthening of the role of agriculture and, particularly, the increase of the importance of wine-growing and wine-making. Wineries of the 7th–12th century were revealed in such towns of Semirechye and Southern Kazakhstan as Kulan, Navekat, Taraz and Tekabket (*Байнаков*, 2005a; 2005b; 2011). Thus the finds mentioned above having wide parallels in Sogd, Bactria and Khorezm suggest the presence of the cult of Dionysus or of some functionally close local deity in Southern Kazakhstan merging with him.